

ГАО МАН

Россия вошла в мое сердце

<Фрагмент>

**Интервью с художником, писателем, переводчиком —
человеком, в ком бьется большое китайско-русское сердце**

Русская культура и Китай

<...> Китай и Россия являются странами с множеством национальностей и языков. Языки играют роль моста в передаче культуры.

Вспоминая историческое прошлое, рассматривая те периоды, когда межъязыковое общение было не возможно, многому можно научиться. В XVII веке, в одинаковый период как в Китае, так и в России, появились два выдающихся императора — Канси (1654–1722) и Петр I (1672–1725). Они были твердыми реформаторами со сравнительно передовыми взглядами, нацеленные на открытость и добрососедские отношения. Но жаль, что в те времена не знали языков друг друга и обмен информацией был совсем неразвит, поэтому хорошее желание долго не могло продвигаться вперед. Когда император Канси встречался с посланниками русского царя, а Петр I — с посланниками династии Цин, пришлось разговаривать на латинском языке через французских и итальянских членов иезуитского ордена. Когда Китай и Россия заключали первый договор — «Нерчинский договор», переводчиком с китайской стороны тоже был иностранный проповедник. В этой ситуации в общении двух стран была масса трудностей. Китайский и русский языки сильно отличаются друг от друга, обычаи и привычки разные, недоразумения и искаже-

ния смысла при переводе были неизбежными, в итоге общение прерывалось на долгие годы... <...>

В мечтах я рвался к Пушкину

— *Господин Гао, когда я читала Ваш очерк «Память сердца», посвященный Анне Ахматовой, я постоянно возвращалась к его началу, где стоит имя автора, всматривалась в эти несколько букв — Гао Ман — и пыталась представить себе китаец с душой русского интеллигента: какой он, как живет, о чем думает и чем наполняет свое сердце? Тогда, в далеком Ленинграде, Вы ехали на могилу Ахматовой, чтобы «оплакать эту одинокую душу» — как это по-русски, по-старорусски... Сегодня обо всем этом я могу Вас лично спросить — это большое счастье для меня.*

Но разговор с Вами хочется начать с того, кого в России называют «Солнцем русской поэзии» — с Пушкина, точнее с истории одной картины. Моя подруга — писательница-пушкинистка Лариса Черкашина — написала статью «Китайская мечта поэта»¹, которую я выслала редактору сайта «Русский клуб в Шанхае»² для опубликования. С огромной любовью они подобрали иллюстрации к ней, и каково было мое удивление, что предварял статью фрагмент картины «Пушкин на Великой Китайской стене», а ее автор — все тот же Гао Ман.

Расскажите, пожалуйста, историю этой картины. На Ваш взгляд, из чего соткана та нить, что связала русского поэта с Китаем, в котором он никогда не был? И почему в Вашем воображении он оказался именно на Великой Китайской стене? Что вообще значит для китаец это сооружение?

— *Истории одной картины не получится, потому что Пушкину на протяжении многих лет я посвятил десятки работ, и на Китайской стене он «побывал» у меня не раз.*

Он вошел в мою жизнь в далеком 1937 году, когда все передовое человечество отмечало печальную дату — 100-летие со дня его гибели. Тогда я был школьником, учился в русской школе в Харбине. Учителя знали, что я рисую, и попросили сделать копию портрета поэта для торжественного вечера. И я сделал. Именно тогда меня словно рвануло к Пушкину, даже возникло желание написать его портрет. Конечно, это было детское, наивное желание.

Только спустя много лет, после того как перевел не одно его стихотворение, произведения других русских авторов, не раз

побывал в творческих командировках в Советском Союзе, после того как проникся духом русской культуры, я осмелился сделать серию работ, посвященных великому русскому поэту и его творчеству. Они были приурочены к очередной печальной дате — уже к 150-летию со дня его смерти. Но потом — и к 200-летию со дня рождения. Тогда одну из работ — «Пушкин на Великой Китайской стене» — я подарил Пушкинскому музею на Пречистенке в Москве.

Почему мой Пушкин не раз оказывался на Великой Китайской стене? У нас говорят: если ты не был на Великой Китайской стене, значит, ты не был в Китае. Когда-то в одном из писем Пушкин писал, что хотел бы с русской миссией поехать в Китай, но ему не разрешили. А сегодня Пушкин здесь, в Китае! В нашей стране хорошо знают его творчество, все его произведения переведены на китайский язык и не по одному разу, поставлены оперы, многие художники иллюстрировали произведения Пушкина — он действительно здесь, в Китае! Значит, вполне уместно представить его стоящим и на Великой Китайской стене.

Конечно, это можно рассматривать лишь как фантазию художника, но в своих мечтах Пушкин здесь побывал не раз. Он мечтал увидеть эту крепость-твердыню:

Поедем, я готов: куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать...
К подножию ль стены далекого Китая...³

Разве не о Великой Китайской стене он пишет?.. У меня есть картина «Пушкин — Джомолунгма русской литературы». Можете себе представить: самый великий русский поэт и самая высокая точка Земли?

— Нет, даже в голову такое не приходило.

— Но это не плод моих фантазий или какое-то романтическое высказывание. В 1962 году три китайских альпиниста покорили Джомолунгму. Один из них — Ван Фучжоу. Он отморозил себе руки, ноги, но достиг вершины.

Джомолунгма — высочайшая вершина Земного шара, легендарная вершина. Альпинисты восходили по ее северной, считавшейся дотоле неприступной стене. Составлять маршрут, план экспедиции, проводить разведку походов помогали, кстати, советские альпинисты, которых китайские спортсмены считали своими учителями.

Большой поэт и большой любитель альпинизма Николай Тихонов, узнав про подвиг китайских альпинистов, посвятил им трогательное стихотворение и пригласил Ван Фучжоу к себе в гости.

Через много лет Ван Фучжоу, будучи в гостях у меня, увидел мою картину, посвященную Пушкину, долго думал, потом взял кисть и сделал на ней надпись: «Пушкин — Джомолунгма русской литературы». На Джомолунгме разреженный воздух, там никого нет... Ван Фучжоу всем своим телом и сердцем ощутил вершину Земли, но умом и душой он любил поэзию Пушкина и понимал поэта, его одиночество как гения... Его слова тронули многих зрителей. Я своими глазами видел, как поклонники поэта плакали перед его надписью.

— *Сколько стихов Пушкина вам довелось перевести?*

— Не меньше пятидесяти. Это мало, считаю.

— *А каков процент из них о любви?*

— Примерно половина. Мне очень нравится его любовная лирика, она волшебная. Но романтическая лирика больше нравится у Лермонтова, а политическая — у Ахматовой.

— *А к его жене Наталье Гончаровой как относитесь?*

— Я с уважением отношусь к Наталье. Она не была легкомысленной особой, как иногда пытаются ее представить. Талантлива, умна, с детства занималась литературным творчеством и при этом — первая красавица Москвы и Петербурга. Ее многие любили, и, конечно, ее не мог не полюбить и Пушкин, поэт. Он называл ее: «Моя мадонна»! Он всегда переживал за нее, даже перед смертью, понимая, что общество способно обвинить ее в неблагоприятных поступках. Но она вела себя правильно, ее не в чем упрекать. И четверо детей, рожденные в столь коротком браке, говорят о духовной взаимосвязи супругов... А как вы к ней относитесь?

— *Я считаю, что это великая женщина. Пушкин не мог жениться на другой, она украсила его жизнь и наполнила новым смыслом. Но вернемся к его творчеству. Вам нравится «Евгений Онегин»?*

— Та легкость и непринужденность, с которыми он написал свой роман в стихах, на мой взгляд, не очень вяжутся с китайскими литературными традициями. Но это мое личное мнение. Мне ближе повесть «Капитанская дочка». Нами, китайцами, она воспринимается как высоконравственное произведение, потому что в ней много персонажей, для которых важно честь беречь смолоду и которые совершают свои маленькие подвиги в обычной жизни.

— К пушкинским иллюстрациям сделаны надписи иероглифами. О чем они?

— Это стихи, которые добавляют смысл работе, — это в китайской традиции. Чтобы сделать эти небольшие надписи, я пригласил крупнейших китайских поэтов, которые знают и любят Пушкина. Это — Гэ Баоцюань, Ню Хань, Шао Яньсянь, Ли Ин, Ван Фучжоу, Зиди Мазя и другие. Например, на портрете Александра Пушкина, сидящего на скамье в Царском Селе, написано: «Он здесь сказал всему миру, что душа поэзии — это свобода». Нравится вам эта мысль?

— Да, безусловно.

В одной из своих статей Гао Ман прекрасно выразил мысль о вселенскости пушкинского гения, о том, что вольнолюбивая душа поэта изначально принадлежала России, но в то же время была открыта всему миру:

«Какие бы изменения на земле ни происходили, пока существует человечество, оно всегда будет стремиться ко все более прекрасному будущему. В это будущее мы возьмем с собой наших древних мудрецов, западных мыслителей и русского Пушкина... Вчера Пушкин был с нами. Сегодня Пушкин с нами. Завтра и всегда он тоже будет с нами!»

Бьющееся сердце

— Кого еще вы переводили в молодости, кроме Пушкина?

— Интерес вызывали молодые авторы. Мне хотелось проследить их дальнейший творческий путь: как вырастут они в крупных художников слова. Например, переводил стихи Андрея Вознесенского — очень трудно их переводить, но я старался.

Но самым первым моим переводом было стихотворение в прозе Ивана Тургенева «Как хороши, как свежи были розы...». Тогда мне было всего 17 лет. И я решил, что раз понял русский текст, значит, могу быть переводчиком. Но недавно, лет пять назад, я посмотрел его и понял, что написал глупость, и перевел стихотворение заново.

Тогда я ничего еще не знал о жизни Тургенева, о его непростой любви. К тому же у меня был испорченный китайский, ведь мы пережили японскую оккупацию: японцы не только убивали китайцев, они уничтожали нашу культуру и коверкали наш язык, внедряя свои, японские, иероглифы. Кстати, присутствие русских тоже влияло на нашу речь. Например, ведро мы называли по-русски, в ходу был «капитан» и многие другие русские слова.

Но чем тогда тронул меня Тургенев? Музыкальностью своих коротких стихотворений, они были созвучны моей душе. Спустя 60 лет я написал акварелью его портрет и с удовольствием подарил Музею Тургенева в Спасском-Лутовинове.

В течение жизни я переводил не только русских поэтов и писателей, но и таджикских, узбекских, эстонских, латвийских, армянских, украинских, белорусских, представителей многих других национальностей, населявших СССР. Тогда было понятие «советский писатель», никто не делил их на русских и нерусских.

Сначала я переводил тех, кто вдохновлял молодежь к борьбе. Вы читали Олеса Гончара? У него есть рассказ «Всегда в строю». В Китае он имел очень большое влияние, даже вошел в школьные учебники. Но после «культурной революции» я стал переводить тех, кто глубоко копали душу человека, чтобы заставить человека задуматься о том, как он прожил свою жизнь. А потом переводил наитруднейшие, считаю, вещи. Например, Пастернака, когда от лирики он перешел на политическую тему.

— *Высокая нравственность была Вам присуща смолоду — это факт. Ведь Вы первым перевели «Павла Корчагина», тогда Вам не было еще и 20 лет.*

— Я был потрясен и воодушевлен этой пьесой — «Павел Корчагин». Она была написана по роману «Как закалялась сталь». Я другими глазами посмотрел на жизнь человека, преисполнился жизнерадостностью, дыханием и романтикой революции. Сначала ее поставила Харбинская Ассоциация учителей, и девушка, которая играла Тоню, — Сунь Цзе — стала моей женой, — символический момент в моей жизни. А потом «Павку Корчагина» увидели зрители Молодежного художественного театра Пекина и многих других театров страны. Эта пьеса производила на китайских зрителей сильнейшее впечатление. Я познакомился с вдовой Николая Островского — Раисой Порфирьевной — и долгие годы с ней дружил.

Говоря о Николае Островском, отмечу, что его роман «Как закалялась сталь» выходил в Китае в разных переводах и переиздавался много раз. Для китайской молодежи он всегда был настольным учебником жизни и хочется верить, что им и останется. В китайских школах есть даже классы, которые носят имя Николая Островского.

— *Я читала, что к Анне Ахматовой у Вас особое отношение.*

— Я очень люблю Анну Ахматову. Я много раз бывал на ее могиле. Но первым переводом, связанным с ее именем, было не ее

творчество, а знаменитое постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», которые, якобы, всячески популяризовали ее имя. Это было в 1946 году. Тогда я еще не читал ее стихов, тогда я все принял на веру — и то, что она блудница, монахиня, и то, что декадентка. Я думал, что это правда. Тогда я плохо знал и свою страну, и уж тем более другие. После «культурной революции» — этих черных, тяжелых лет — у меня словно голова выросла. Я начал читать то, в чем раньше сомневался. Однажды в пекинской библиотеке я взял сборник стихов Ахматовой, изданный в Америке на русском языке, и прочел «Реквием». Он меня поразил! Описанный случай связан не только с судьбой Ахматовой, но и с моей, потому что я пережил такое же время, как было описано в «Реквиеме». Я всерьез начал сомневаться в правдивости того постановления и почувствовал себя в долгу перед ней.

Ахматова была искренней, открытой, говорила от сердца, ничего не приукрашая. Через собственные страдания она описывала муки народные. В ее слове — сила, мощь. Она полностью приняла все пушкинские традиции. При этом, с одной стороны, она использует классический стихотворный стиль, с другой — смело уходит от него. Как Пушкин когда-то.

Меня восхищает и ее твердое намерение остаться в России, что бы ни происходило в стране, как бы ни складывалась личная жизнь. Она выдержала все тяжелые испытания, которые выпали на ее долю. Я посвятил ей даже стихотворение.

— *У Вас есть ее изумительный портрет, такой Ахматовой я никогда не видела.*

— Я написал ее на фоне красивой решетки-ограды, которыми славится Ленинград (ныне Санкт-Петербург), но, с другой стороны, эта решетка олицетворяет и темницу. Картина называется «Белая ночь». Кажется, что жизнь белая, светлая, но на самом деле изображена ночь, которая заточила Ахматову в свою темноту на долгие-долгие годы.

— *И китайцы читают Ахматову?*

— Да. Но, думаю, меньше, чем раньше.

— *Из любимых поэтов — Ахматова, а из прозаиков?*

— Лев Толстой. Никто в мире не превзошел его как романиста. Никто. Это гений, русский гений планетарного масштаба.

— *Хочу спросить о том, о чем наверняка думает каждый писатель: что китайцы вкладывают в понятия: «рождение», «жизнь» и «смерть»?*

— Эти понятия, безусловно, есть в китайской культуре. Они многогранны и, мне кажется, тесно связаны между собой. Напри-

мер, если ты после себя не оставишь потомства — это большое несчастье. А самая большая боль, если дети умирают раньше родителей. О чем это? О рождении, жизни или смерти? Обо всем сразу.

Моя мать не умела читать, а у меня не было времени научить ее грамоте. Но всю жизнь она мечтала об этом. И она часто говорила: «Умру, положи мне на грудь книгу». Внук однажды заметил: «Бабушка, тебе нужен словарь для начала...» И действительно, когда она умерла, я положил ей на грудь словарь и с ним так и похоронил. Это о жизни или смерти?.. Когда я вспоминаю мать, мне хочется плакать.

Когда ей было 90 лет, я сам сшил ей костюм. Она говорила: «Всю жизнь я шила для детей, но впервые это сделал для меня сын». Но носить костюм не стала — он был криво сшит. И я понял, если берешься за дело — делай его хорошо, если дал обещание — обязательно его выполни. Мне было тогда 60 лет. Мать для меня навсегда останется светочем. И это есть жизнь.

О своей жене скажу. В годы «культурной революции» не верили в правду, верили в кривду. Однажды я писал письмо сотруднице, которая поехала навестить своих родителей то ли в Тайвань, то ли в Гонконг — простое приветственное письмо. Все писали ей. У нее было прозвище «Птичка», и вместо слов я нарисовал много птичек — ради шутки. Но письмо увидели военные, стали допрашивать: что я хотел ей передать своими птичками? Не даю ли я ей, тем самым, указание не возвращаться? — Тяжелые были времена. В том момент я был на грани нервного срыва, хотел даже покончить с собой. Но жена сказала: «Не делай этого». Одно слово, и оно вернуло меня к другим мыслям. Она не устроила мне допрос, ни в чем не упрекала. И я понял: дом, в котором тебя любят, — это твоя надежная тихая гавань, которая защитит тебя от любых бурь. С тех пор я свою жену называю великой женщиной. И это есть жизнь!

Три великие женщины наполнили счастьем и смыслом мою жизнь: мать (сегодня — память о ней), жена и дочь, которая во всем мне помогает. Каждая сказанная ими фраза имеет для меня большое значение.

Читающая нация

— *Сегодняшний Китай — читающая страна?*

— Иногда кажется, что в Китае читают больше, чем в других странах. У нас переводится литература со всего мира, появилось много своих писателей, пишущих на абсолютно разные темы

и свободно, потому что прошло уже тридцать лет, как страна идет по пути реформ и открытости. Сейчас китайская литература переживает расцвет, в центре ее внимания появился человек со всеми его слабостями и сильными сторонами. Если раньше китайская литература очень походила на советскую, то сегодня она идет по самостоятельному пути, обретая самобытность. У нее, считаю, большое будущее.

Но в жизнь ворвался компьютер! Книжных читателей стало меньше, все читают в интернете! Молодежь стала плохо писать иероглифы — за них пишет компьютер! Для нас, представителей старшего поколения, иероглифы — это искусство, и по их начертанию всегда можно было понять уровень образованности человека. Сегодня все иначе. Но опять-таки важно понять, что это — новый этап развития человечества, и я, несмотря ни на что, его приветствую.

— *А как воспринимается русская литература китайским читателем?*

— Интерес к вашей классике по-прежнему остался. Но те произведения, которые были написаны, как говорится, по велению партии, — их, конечно, забыли, потому что они перестали отвечать велению времени.

В последние десятилетия в России появилось новое поколение авторов, которые, в частности, открыли темную сторону советского строя. В Китае отношение к ним разное. Много переведен, например, Солженицын.

— *Ваше личное отношение к нему?*

— Я считаю, что Солженицын останется в истории. Мне кажется, что он больше как историк, чем писатель внес огромный вклад в дело раскрепощения советской литературы.

— *В свое время Вас тоже слегка «подкорректировали»...*

— В 1950 году в журнале «Литература и искусство» написали, что я стою на неправильной позиции, дурно влияю на рядовых китайцев и так далее. А все из-за чего? Нарисовал четыре карикатуры против расточительства. Потом я мало участвовал в общественных движениях, что, может быть, и уберегло меня от более серьезных наказаний, ведь не секрет, что миллионы китайских писателей, художников, общественных деятелей были сосланы на так называемое перевоспитание в дальние деревни... Трудно об этом говорить, потому что было и много хорошего в историях обеих наших стран. <...>